

Сильченко Елена Владимировна

канд. юрид. наук, доцент

Грузнова Марина Сергеевна

студентка

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный
университет им. И.Т. Трубилина»
г. Краснодар, Краснодарский край

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА ПРИКОСНОВЕННОСТИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

***Аннотация:** в данной статье на основе методов анализа, синтеза и сравнения исследовано развитие института прикосновенности в уголовном праве России.*

***Ключевые слова:** уголовное право, преступления, укрывательство преступлений, прикосновенность к преступлению.*

Прикосновенность к правонарушению представляет собой социально опасную активность интерес к которой возник довольно давно. В российском праве идея прикосновенности к правонарушению в первый раз возникла в Уставе князя Ярослава «О судах церковных» (X–XI вв.) [1, с. 231].

«Русская правда» фактически устанавливала ответственность за прикосновенность к преступлению, в частности, за укрывательство беглого холопа [1, с. 341]. Упоминание об институте укрывательства имеется и в Древнейшей Правде, где речь идет об определении совершенно специфического разряда укрывателей – варягов и колбягов. Судебник Ивана III 1497 г. уделял внимание прикосновенности к преступлению в связи со скупкой краденого. Дальнейшее развитие институт прикосновенности к преступлению получил в Судебнике Ивана IV 1550 г. В частности, он установил порядок добросовестного приобретения поношенных вещей. Соборное Уложение 1649г. аналогично Уставной книге Разбойного приказа 1616–1617 гг. устанавливало ответственность за попустительство преступлениям, недоносительство о них и укрывательство

преступников. Родственники были также связаны взаимной обязанностью «извета», т.е. доноса органам власти о противогосударственном умысле или уже совершенном преступлении под страхом наказания за соучастие.

При «неотведении следа», т.е. укрывательстве разбойников жители села или деревни, где скрывались преступники, подвергались по Соборному Уложению пытке. Ей предшествовали обыск и расспрос «погонных людей», т.е. участвовавших в погоне за преступником. Наряду с укрывательством преступников наказывалось и «поклаже», т.е. прием, хранение или продажа краденых и награбленных вещей. К виновным применялась пытка: если под пыткой они сознавались, их передавали на поруки. Если нет, то пытали вторично «до чего доведется».

Обращает на себя внимание изданных Петром I Артикул Воинский [1, с. 452]. В нем были закреплены нормы об ответственности за недонесение, укрывательство, приобретение, сбыт и хранение имущества, добытого преступным путем, пользование таким имуществом, получение его части, однако термин «прикосновенность», как и прежде, не использовался.

Недоносительство составляло самостоятельное преступление не только по государственному, но и по другим преступлениям, в частности, против веры. Практически все известные современному праву виды прикосновенности к преступлению подлежали по Воинскому Артикулу наказанию, как и преступления, с которыми они были связаны.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. содержало Общую и Особенную части [1, с. 513]. Уложение в Общей части впервые использовало термин «прикосновенность», не раскрывая при этом его содержания. Уложение 1845 г., наряду с институтом соучастия, рассматривало следующие виды прикосновенности к преступлению: попустительство со стороны общих и специальных субъектов; заранее не обещанное укрывательство, к которому относилось и заранее не обещанные приобретение, хранение и сбыт имущества, добытого противозаконным образом; недонесение. Заранее обещанное укрывательство, а значит, и заранее обещанные приобретение, хранение, сбыт имущества, добытого преступным путем, законодатель относил к соучастию – пособничеству.

Суровому наказанию подлежали лица, прикосновенные к преступлениям против верховной власти.

Еще во второй половине XIX века прикосновенность к преступлению считали самостоятельным институтом уголовного права, существенно отличающимся от наиболее близкого ему института соучастия.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1885 г. ограничило обязанность донесения о преступлении. Подлежало наказанию недонесение без уважительных причин только о достоверно известных виновным участникам мятежа или измены, если при этом они не были членами семьи недонесшего. Родственные отношения виновника главного преступления и прикосновенных к нему лиц не имели, согласно нормам Уложения, никакого значения, когда речь шла о попустителях и лицах, воспользовавшихся плодами преступного деяния.

В Уголовном Уложении 1903 г [2, с. 42] нормы об ответственности за прикосновенность к преступлению (т.е. укрывательство и неизвещение) вошли в главу «О противодействии правосудию», тем самым законодатель определил объект этих правонарушений – интересы правосудия. Уголовная ответственность предусматривалась за неизвещение только тяжкого преступления или о достоверно известном его участнике. Кроме того, именно в этом нормативном акте законодатель впервые заменил термин «недонесение» на «неизвещение», что является наиболее высоконравственным по своей сути. Что касается попустительства, то ответственность за данное деяние предусматривалась в отдельной норме помещенной в главу «О преступных деяниях по службе государственной и общественной». Что касается укрывательства, то по Уложению 1903 г. оно было отделено не только от соучастия, но и от пользования плодами деяния, отнесенного к имущественным преступлениям.

Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. укрывательство и попустительство признавали соучастием в преступлении в виде пособничества, а такое деяние как недонесение не признавалось противоправным.

Уголовных кодекс РСФСР 1922 г. к соучастию относил только укрывательство преступления и преступника, остальные виды прикосновенности регулировались самостоятельно. По УК РСФСР 1926 г. прикосновенность возможна была только к контрреволюционным преступлениям. Заранее не обещанное укрывательство также относилось к пособничеству.

Наиболее детально данный институт развит в УК РСФСР 1960 года, который разграничивает институт соучастия и прикосновенности к преступлению. В Общей части дается определение таких видов прикосновенности, как заранее не обещанное укрывательство и недонесение, а в Особенной части предусмотрена ответственность за укрывательство и недонесение конкретных составов преступлений. Родственные связи между укрывателями и преступником не исключали уголовной ответственности укрывателя. Проблемы прикосновенности к преступной деятельности освещены во множестве теоретических работ уголовно-правового профиля [3, с. 122–129].

Во всех законодательных актах, принятых в первые годы Советской власти, все виды прикосновенности к преступлению не отграничивались от соучастия в преступлении, такие лица наказывались наравне с главными виновниками. Не освобождались от такой ответственности и близкие родственники этого лица. Кроме того, законодатель, хотя в некоторых декретах и оперировал таким понятием как «прикосновенность к преступлению», но содержания его не раскрывал, да и не выделял конкретных его видов. В дальнейшем УК РСФСР 1919, 1922 и 1926 гг. также данный вопрос регламентировали противоречиво.

Список литературы

1. Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. – М., 1984.
2. Косякова Н.С. Возникновение и развитие в российском уголовном праве института прикосновенности к преступлению (дооктябрьский период) // Ленинградский юридический журнал. – 2010. – №3. – С.42.
3. Сильченко Е.В. К вопросу об определении объекта преступных посягательств, образующих систему нелегального наркобизнеса // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. – 2013. – №4. – С. 122–129.